

вѣкъ: онъ возстановляетъ совершенство русскаго народнаго духа, и доказываетъ превосходство послѣдняго съ его идеями самоотверженія, цѣломудрія и правдивости сравнительно съ нравственнымъ укладомъ общества, въ которомъ считается главнымъ правиломъ не уступать другъ другу, стоять за себя, не стѣсняться началами требованія воздержанія, цѣломудрія, самоограниченія, но только прикрывать грубую чувственность и узкое себялюбіе красивыми формами.

При такомъ возвышеніи жизненныхъ правилъ художественныхъ произведеній Толстого надъ общественною моралью остается съ перваго взгляда совершенно непонятнымъ: какая-же преграда отдѣляла его отъ живого, историческаго, русскаго христіанства?

Почему при всемъ стремленіи къ истинѣ, Толстой не могъ слиться съ ученіемъ Церкви?

Ему не доставало пониманія и признанія самой главной добродѣтели, которая дѣлаетъ человѣка послѣдователемъ Христа, той добродѣтели, которая Спасителемъ ставится въ основаніе всего пути совершенства: это нищета духовная, иначе сказать *смирennemудріе*, борьба съ гордостью. Какъ и большинство лжепророковъ, Толстой просмотрѣлъ эту заповѣдь, потому что смолоду былъ далекъ отъ спасительнаго руководства церкви. Истинные же послѣдователи Христа знаютъ, что если даже вѣрующіе подвижники думаютъ обойтись безъ этой добродѣтели, то впадаютъ въ самообольщеніе или прелесть и губятъ свой подвигъ. Иногда имъ удается сдѣлаться великими постниками, постоянными благотворителями, но безъ смиренія такимъ подвижникамъ невозможно достигнуть нравственной гармоніи: или всегда будетъ недоставать той мягкости, той теплоты духа, той уравновѣшенности и мира душевнаго, какія отличаютъ церковнаго подвижника отъ самочиннаго. Опытные въ духовной жизни старцы говорятъ, что лучше совсѣмъ не знать никакихъ подвиговъ, оставаться въ томъ положеніи въ какомъ поставила тебя жизнь нежели, ревнуя о высшемъ совершенствѣ, просмотрѣть первую заповѣдь блаженства; Л. Толстой ее пропустилъ и въ теоріи, и на практикѣ. Совершенно произвольно онъ подставилъ вмѣсто духовной тщеты тѣлесную и нигдѣ не говоритъ о смирennemудріи. Въ самой жизни Толстого было много такихъ обстоятельствъ, которыя еще